

Просветленные не ходят на работу

Автор:

[Олег Гор](#)

Просветленные не ходят на работу

Олег Н. Гор

Просветление без правил

Что общего у духовного роста и мытья посуды? Сложно ли повернуть колесо Сансары? Как развить в себе творческие способности в кратчайшие сроки, если вы живете в первозданных джунглях? О чем шепчет пустота? И так ли на самом деле полезно знать, кем вы были в прошлой жизни? Автор книги, бизнесмен Олег Гор, получил ответы на все эти вопросы в маленьком буддийском монастыре на севере Таиланда и сумел преобразить свою жизнь, освободившись от неуверенности, стресса, тревог и гнева – всего того, что терзает современного человека. Более того, он уверен, что это под силу каждому из нас, нужно лишь желание и немного терпения. И учтите – просветленные не ходят на работу. Они занимаются куда более интересными вещами. Книга содержит подробные описания техник, учащих контролировать ум, тело и эмоции, проживать свободную жизнь – без долгов и иллюзий.

Олег Гор

Просветленные не ходят на работу

© Гор О. Н., текст, 2017

© Гаркуша Н., иллюстрации, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Просветление без правил

«Просветленные не берут кредитов»

Вторая книга от автора «Просветленные не ходят на работу». Бизнесмену Олегу Гору уже не нужны кредиты: он сумел прожить без денег и документов целых два месяца и преобразил свою жизнь, освободившись от неуверенности, стресса, тревог и гнева. Более того, он уверен, что это под силу каждому из нас, нужно лишь желание и немного терпения. Полезные медитативные практики и методики управления реальностью в увлекательном формате Road Story.

«Сила подсознания, или Как изменить жизнь за 4 недели»

Результаты многочисленных опытов показали удивительную закономерность – клетки мозга не отличают реальные физические переживания от воображаемых. Это дает нам свободу творить свою жизнь по собственному желанию. Профессор нейробиологии и нейробиологии Джо Диспенза предлагает научный подход к изменению жизни. Вы узнаете как действительно «работает» ваш мозг, научитесь проникать в сферу подсознания и перепрограммировать его.

«Клип-трансерфинг. Принципы управления реальностью»

Трансерфинг Реальности ? система, методы и техники которой позволили миллионам людей найти своё дело или работу по душе, перестать негативно реагировать на внешние раздражители, осознано управлять собой, своей жизнью, ставить и достигать цели. Эта книга ? быстрый способ изучить одну из самых популярных и эффективных программ саморазвития.

«Перерождение»

Вы хотите вырваться из ловушки серых будней? Эта книга станет для вас открытием. Победитель «Битвы экстрасенсов» Свами Даши делится сокровенными воспоминаниями о своем духовном Пути. Наполненная невероятными историями путешествий, удивительными встречами, курьезными случаями, иронией, философскими размышлениями и практическими советами, эта атмосферная книга сделает ваш день, месяц, год, а возможно, и целый этап в вашей жизни.

Предисловие

Много десятилетий я жил как обычный человек – в окружении проблем, тревог, неуверенности и прочих «радостей», которыми мы в изобилии одариваем себя сами. Никогда не подозревал, что это состояние можно изменить, причем кардинально и в лучшую сторону.

Чтобы сделать решительный шаг к свободе, мне понадобилось всего несколько месяцев.

У каждого есть шанс повторить то, что проделал я, выбраться из болота трудностей на дорогу, что не подведет никогда. Для этого нет необходимости запирается в монастыре, потребуются лишь осознание, сила воли и знание о том, куда и как двигаться.

Первое и второе другому человеку не передашь, знанием же я готов поделиться.

Глава 1. Неправильный монах

В городке Нонгкхай, что на севере Таиланда, я оказался, как и многие сотни иностранцев до и после меня, проездом, по дороге в столицу Лаоса, где проще всего оформить тайскую визу.

Автобус из Паттайи опоздал на полтора часа, и я выбрался из него, кипя от раздражения: мало того, что не выспался, ночь просидел в неудобном кресле, отчего все тело ноет, так еще и рискую пропустить «интернешнл бас» до Вьентьяна, а следующего ждать неведомо сколько!

Не глядя по сторонам и не обращая внимания на назойливых таксистов, я ринулся в сторону касс.

И налетел на монаха в потрепанном коричневом одеянии.

Открыл рот, чтобы высказать все о субъектах, что лезут под ноги в самый неудачный момент, но вовремя прикусил язык. Оскорбить служителя Будды прилюдно – верное средство сделать так, чтобы улыбчивые тайцы перестали быть улыбчивыми и кинулись бить нечестивцу морду.

– Прошу извинить... – пропыхтел я на английском, нервно оглядываясь.

Как бы кто не решил, что я обидел монаха!

Сам же обладатель бурой туники смотрел на меня без гнева, даже с легким интересом, темные глаза мерцали. Странно выглядело то, что на голове его имелись волосы, настоящая черная грива, заплетенная в сотни косичек – ведь тем, кто ушел от мира, в буддизме положено бриться наголо.

А затем монах заговорил, и я мигом забыл о его чудной прическе.

– Ничего страшного, – сказал он. – Столкновение пойдет нам на пользу. Обоим.

Язык Шекспира и Черчилля из его уст звучал четко и ясно, без тяжелого акцента, который делает английский среднего тайца неразборчивым до полной абракадабры. Мелькнула мысль, что это должно быть фаранг, чужак, много лет проживший в Стране улыбок и лишь похожий на местного.

– В следующий раз, когда будешь в этих местах, обязательно разыщи меня, – продолжил монах. – Мое имя – брат Пон, и обретаюсь я обычно в вате Тхам Пу, что на берегу Меконга. И я бы на твоём месте не откладывал визит в наши края. Ты переполнен. До опасной степени.

Протянув руку, он осторожно тронул мое предплечье, и от этого прикосновения меня слегка тряхнуло.

– Э, спасибо... – промямлил я, не вникая в смысл того, что мне сказал странный монах. После чего, обогнув его, заторопился туда, где мои соседи по автобусу штурмовали кассу «интернешнл баса».

Сам автобус пока стоял у платформы, но если не поспешить, то он уедет или места закончатся.

Билет мне достался последний и, шлепнувшись на жесткое сиденье, я вздохнул с облегчением. Когда автобус сдвинулся с места, я выглянул в окно, высматривая брата Пона, но его уже и след простыл.

Интересно, что имел в виду этот тип, сказав: «Ты переполнен. До опасной степени»?

Но тут начали раздавать миграционные карточки, и я выкинул монаха из головы.

Про встречу в Нонгкхаве я забыл на следующий день – мало ли с кем столкнешься на дорогах Таиланда?

А вспомнил через три месяца, когда жизнь моя неожиданно покатила под откос. Для начала я расстался с женщиной, с которой прожил несколько лет и даже называл женой, причем разошлись мы со скандалом, обвиняя друг друга во всех смертных грехах и чуть ли не швыряя в стену тарелки.

Затем на ровном месте возникла ссора с родней в России, докатившаяся до почти полного разрыва, и неприятности делового толка, в результате которых я оказался у разбитого корыта. Люди, которым я доверял, оказались пустыми и ненадежными, а тот бизнес, что кормил меня с прошлого века, что позволил мне перебраться на ПМЖ в Таиланд, обрушился, точно картонный домик, и самые отчаянные усилия не помогли его спасти.

И тут я вспомнил брата Пона, а также то, что он говорил о нависшей надо мной опасности.

Пару дней колебался, а затем купил билет на автобус.

В Нонгкхае я сразу же отправился в ближайший ват, то есть храм, и попытался расспросить, где можно отыскать обладателя коричневой мантии по имени Пон. Первый монах, к которому я обратился, посмотрел на меня с равнодушной улыбкой и пожал плечами, намекая, что по-английски не понимает, второй же, услышав мой вопрос, вытаращил глаза и сбежал.

В другом храме мне без особого буддийского дружелюбия объяснили, что не стоит тратить зря время занятых людей.

Имелся шанс, что нонгкхайские монахи и вправду не знали, о ком я говорю, что наводило на мысли о розыгрыше или безумии того типа, с которым меня свела судьба три месяца назад... Но более вероятным казалось, что они просто не хотят о нем говорить, и тем более с белым иностранцем, с фарангом.

Съев тарелку том-яма в кафешке на набережной, я поскрипел мозгами и вспомнил, что брат Пон вроде упоминал храм, при котором его можно найти... Точно, ват Тхам Пу! И я зашагал в сторону автостанции, вокруг которой гнездятся тук-тукеры, местные таксисты, что должны знать в окрестностях каждый дом.

При виде потенциального клиента обладатели зеленых жилеток с номерами заулыбались, наперебой загалдели, предлагая отвезти меня на границу, в ближайший торговый центр или в «массажный салон» с девочками.

Куда еще может поехать фаранг?

– Ват Тхам Пу! – сказал я, и гвалт стих.

Взгляды, обращенные на меня, наполнили удивление и даже опаска.

– Ват Тхам Пу, – повторил я.

Тук-тукеры загалдели вновь, замахали руками, а потом вновь смолкли, и заговорил самый старший, круглолицый и морщинистый.

- Плохо, - сказал он. - Место плохое. Ехать в другое... да?

И он заискивающе улыбнулся.

- Ват Тхам Пу, - сказал я в третий раз. - Монахи?

- Да... - с неохотой признал таксист. - Но... неправильные... талапоин...

Последнего слова я не знал, поэтому только пожал плечами.

Тук-тукер посозерцал меня пару минут, а потом, видимо, убедившись, что я от своей затеи не откажусь, назвал цену.

- За эти деньги я доеду до Бангкока! - возмутился я.

- Да, - подтвердил таксист. - И до ват Тхам Пу. Да, нет?

Я попытался торговаться и ухитрился сбить цену на сто бат, после чего мой собеседник уперся намертво.

Тук-тук у него был раскрашен так ярко, что болели глаза, с крыши свисала бахрама разноцветных ленточек, всюду болтались колокольчики, совсем крохотные и в кулак размером. Тарахтела эта конструкция громче самолетного двигателя, да еще и скрипела, угрожая развалиться на первой же кочке.

Особенно жутко стало, когда мы выехали за пределы города и покатали по проселку. Меконг оказался справа, и потянулись настоящие джунгли без малейшего признака жилья.

Ехали мы чуть больше часа, а остановились на неприметной прогалине.

- Ват Тхам Пу, - объявил мой возница, оборачиваясь, а поскольку имел дело с тупым чужеземцем, еще и показал в ту сторону, куда уходила тропинка.

– Правда? – уточнил я. – Не ошибка?

– Монахи. Талапоин, – вновь повторил он неведомое слово. – Давай-давай. Идти.

Таксист явно ощущал себя не в своей тарелке и хотел убраться отсюда как можно быстрее. Выглядело это странно, учитывая то, с каким почтением и любовью простые тайцы относятся к служителям Будды.

Я пожал плечами и выбрался из тук-тука.

Едва успел забрать с лавки рюкзак, как таксист дал газу и, заложив лихой разворот, укатил прочь.

Вот здорово будет, если он доставил меня не туда, и возвращаться придется пешком...

Минут через десять ходьбы стало ясно, что впереди над зарослями поднимается треугольная крыша храма. Я приободрился и зашагал быстрее – туктукер не обманул, привез к вату, вот только к тому ли, что мне нужен?

Тропинка вывела к откосу, что спускался к реке, и отсюда я увидел больше подробностей: лента узкого навеса с медными колоколами под ним, главное святилище, спускающаяся к реке тропка, мостки. Но в следующий момент я про все это забыл, поскольку дорогу мне загородил брат Пон.

Откуда он взялся, я не понял – справа обрыв, слева непролазные заросли, вперед дорога просматривается метров на сорок. Невысокий крепыш с гривой косичек, облаченный в коричневую тунику, будто сгустился из пустоты.

– А, торопыга с автостанции, – сказал он, разглядывая меня без особого удивления. – Приехал.

– Добрый день, – отозвался я. – А вы что, ждали меня?

– Конечно. С того дня, как Дхарма столкнула нас, я знал, что ты появишься здесь. Пойдем, поделишь с нами трапезу. Разговоры – потом.

И он, развернувшись, зашагал в сторону храма.

Мне ничего не оставалось, как потащиться следом.

Кормили в вате Тхам Пу скромно, вполне аскетически – рисом с вареными овощами. Ели мы под навесом, который располагался позади храма, в тени деревьев, и помимо меня и брата Пона вилками орудовали двое монахов лет тридцати, обритых наголо и похожих друг на друга, словно братья.

Трапеза прошла в полном молчании.

– Не суетись, – сказал брат Пон, когда я вслед за соседями сделал движение встать. – Пока ты гость, и посуду за тебя помоют...

Я благодарно склонил голову.

– Ты же приехал не просто так, – продолжил монах, изучая меня пронзительными черными глазами, в которых мерцали искорки. – Говори, какая нужда привела тебя сюда.

– Вы мне поможете? – спросил я. – Вы тогда... помню... ну, про опасность... полнота еще... и у меня все пошло... ну, наперекосяк... везде, и в личной, и в бизнесе... везде, короче...

Сам понимал, что говорю бессвязно, но язык мой, обычно послушный, в этот раз подводит хозяина.

И неудивительно!

Последние месяцы выдались адски тяжелыми, ведь рухнуло то, что казалось вечным раем, стало ясно, что стабильность и благополучие – всего лишь хрупкая иллюзия, построенная на самообмане.

– Страхи, неуверенность, тревоги, надежды, раздражение на то, что идет не так, – полный ворох тех глупостей, которыми наполняет свою жизнь обычный человек, – сказал брат Пон со смешком. – Я могу изменить твою жизнь, но для этого ты должен перестать быть просто гостем.

– То есть?

– Тебе придется остаться здесь. Провести у нас месяц-другой.

– Но я не могу! – воскликнул я. – У меня дела! Я обещал! И вообще...

– Да, ты набит под горлышко разным мусором, – брат Пон более не улыбался, он смотрел на меня почти свирепо. – И этот мусор, который ты принимаешь за сокровища, удушит тебя, превратит твою жизнь в пытку... Чего ты ждал от меня? Мгновенного чуда? Заклинаний?

– Ну, я не знаю... – я смешался.

Впервые задумался, чего я на самом деле хотел от визита в окрестности Нонгкхая – наставления, скорее всего, как мне направить жизнь в нужное русло, действенных молитв или, может быть, каких-то особых буддийских ритуалов, которые помогут мне выбраться из жизненной ямы... не просто так, а в обмен на щедрое подношение.

– Денег твоих мне не надо, – сказал брат Пон, и я вздрогнул.

Он что, читает мысли?

– Возможность ступить на путь к свободе дается один раз в жизни, – продолжил монах, и его голос прозвучал настойчиво. – Ты должен решить до завтрашнего утра, остаешься или нет. Второго шанса ты не получишь. Даже если ты найдешь дорогу к вату, то меня здесь уже не будет.

– То есть как? Вы уедете? Или откажетесь со мной говорить?

Брат Пон не обратил на вопросы внимания.

– Но если ты согласишься принять меня в качестве наставника, пути назад не будет. Отпущу я тебя только тогда, когда сочту нужным, и любой мой приказ станет для тебя законом.

– Но... – попытался возразить я, дать выход поднимающемуся в душе возмущению: грязный хиппи, облачившийся в монашеское одеяние, хочет сделать из меня посмешище, ручную обезьянку?

Брат Пон наклонился и взял меня за запястье.

И вновь, как на автостанции, меня потрянуло, словно через мускулы пробежал слабый разряд тока. В этот раз я осознал, что мне нравится это ощущение, что на миг я ощутил необыкновенную легкость в теле и голове, будто сбросил груз, который, сам того не замечая, таскаю на себе постоянно.

– Нет времени на споры, – сказал брат Пон. – Лишь на то, чтобы принять решение. Пустота вызывает в тебе отклик, и это значит, что ты небезнадежен. Гуляй где хочешь. Размышляй. Завтра на рассвете мне нужен ответ. Ты уходишь совсем либо ты мой ученик.

Он легко поднялся и утопал прочь, оставив меня, онемевшего, в плену мучительных сомнений.

– Что это? – осведомился я, разглядывая аккуратный сверток бурой ткани, поверх которого стояли плетеные сандалии.

Брат Пон вручил мне это все с крайне торжественным видом.

– Твоя одежда. Антаравасака и все прочее.

– Так вы все же хотите сделать меня монахом? – я сдвинул сандалии в сторону и обнаружил, что сверток состоит из нескольких кусков ткани разного размера, формы и оттенка.

- Ни в коем случае. Но на послушника ты походить должен. Иначе будут вопросы
- кто ты такой и что здесь делаешь.

- Но кто их будет задавать?

- Не в такой уж глуши находится наш ват, - брат Пон покачал головой. -
Переодевайся.

- Но... вы же не хотите, чтобы я поверил в Будду и все такое? - спросил я с
беспокойством.

Откровенно говоря, не хотелось вылезать из привычных шорт и рубахи,
облачаться непонятно во что. Кроме того, терзало подозрение, что, поддавшись
на уговоры, я предаю религию предков, хотя я в церковь не ходил ни разу в
жизни, да и родители там не бывали.

- Меня не интересует, во что ты веришь. Меня волнует, о чем ты думаешь и что
делаешь.

- Но вера горами двигает!

- Настоящая - да. Только часто ли ты ее встречал?

Я пожал плечами.

Ну да, я знал православных, которые блюдут пост, держат дома иконы и ходят
на исповедь, но способны ради прибыли в сто рублей удавить ближнего. Видел
мусульман, цитирующих по памяти Коран на арабском, но пьющих по-черному,
сталкивался с типами, что гордо рассуждали о своей духовности, но бегали за
каждой юбкой, попавшейся им на глаза.

Верил ли кто из моих знакомых искренне? Не знаю...

– То, что называет верой обычный человек, на самом деле нелепое скопление предрассудков. Дурацкая привычка, способ описывать себя, картинка, одна из граней иллюзии. Давай, переодевайся... ты же согласился остаться, а значит, должен исполнять мои приказы, – добавил брат Пон с улыбкой.

На это возразить было нечего, и я потянул с себя рубаху.

– Мне не нужно слепое подчинение, – продолжил монах, наблюдая, как я разоблачаюсь. – Смысл каждого действия будет тебе объяснен, только иногда не сразу. Сегодня ты должен отказаться от всего, что принес с собой, от того, что символизирует старую жизнь.

– От всего? – спросил я, чувствуя, как в душе закопошились когтистые подозрения.

– Давай, покажу, как это носить... – брат Пон легко вскочил и жестом велел мне встать.

Я поднялся, чувствуя себя дурак дураком, поеживаясь и морщась.

Тот навес, под которым меня кормили вчера, служил обитателям вата столовой и гостиной. Жилые «строения» располагались неподалеку – крохотные сарайчики со щелястыми стенами и матрасами на полу, вполне годные для того, чтобы защититься от капризов мягкой тайской погоды.

Один из них выделили для меня, и я провел бессонную ночь, ворочаясь на непривычном ложе и вслушиваясь в писк и визжание, доносившиеся из погруженных во мрак джунглей.

– Вот так, отлично, – сказал брат Пон, отступая на шаг. – Осталась только голова.

– Но я... – расставаться с волосами не хотелось. – Но вы же носите косички!

– О, на самом деле прическа не имеет значения, – заявил монах с ехидной усмешкой. – Для того, кто сам не имеет значения для себя... но это же не о тебе, правда? Кроме того, вспомни – нет времени спорить!

Я вздохнул и покорился неизбежному.

Брат Пон извлек откуда-то из недр своего одеяния огромную старую бритву с пятнами ржавчины на лезвии. Когда этот предмет очутился рядом с моей головой, я закрыл глаза, думая о том, что вскоре стану гордым обладателем исполосованного шрамами черепа и бонуса в виде заражения крови.

Но процедура оказалась на удивление быстрой и безболезненной: легкое прикосновение ко лбу, клочья волос щекочат лицо и уши, холодок расплзается от макушки к затылку, и вот я уже сижу, ощупывая череп и пытаюсь свыкнуться с новой прической.

– Зеркала не дам, – заявил брат Пон, убирая бритву. – Но выглядишь ты неплохо. Так, теперь давай сюда все, что ты привез с собой...

Я напрягся.

– Что там такого, без чего ты прожить не можешь? – взгляд монаха стал напоминать булавку, и я затрепыхался насаженной на него бабочкой. – Сотовой связи тут все равно нет. Одежду мы тебе предоставим... деньги тебе не понадобятся... ну, что?

Я открыл рот, собираясь сказать, что привык к определенным вещам, к тому, что у меня всегда... И тут же понял, что все это ерунда, что из крохотного сарая, ставшего моим жилищем, я не создам комфортного гостиничного номера и что никакие предметы мне в этом не помогут.

– Давай, неси вещи. Посмотрим, что у тебя там, – велел брат Пон.

Рюкзак он изучал с видом дотошного таможенника, разыскивающего контрабанду. Заглядывал внутрь мельком, ничего не вытаскивал, но возникало ощущение, что все взвесил и оценил.

– Зубную щетку и пасту можешь оставить, – сказал монах, вынимая названные предметы из кармана. – И еще бритву с кремом. Остальное пока будет храниться у меня.

Удивительно, но в этот момент я ощутил не раздражение по поводу того, что меня лишают практически всего, а горячую благодарность за то, что мне позволили оставить хоть что-то!

Завтрака обитателям вата Тхам Пу не полагалось, а на обед я получил тот же рис с овощами. Мне выделили старую деревянную миску, и на этот раз я помыл свою посуду сам, вместе с двумя монахами помоложе спустившись к Меконгу, да еще и помог им отскрести кастрюлю.

Попытка затеять разговор успеха не имела – то ли служители Будды и в самом деле не знали английского вообще, то ли брат Пон запретил им общаться со мной, но в любом случае они лишь улыбались и разводили руками.

Я же по-тайски мог произнести лишь несколько слов.

Но все это, как и скудная трапеза, меня не расстроило, поскольку, избавившись от вещей, я пребывал в неожиданно благодушном настроении. Проблемы, одолевавшие меня последнее время, отступили на приличное расстояние, остался только я сам, почти не имеющий к ним отношения.

– Пойдем, – сказал брат Пон, когда мы вернулись с реки. – Займемся делом.

Я приободрился, думая, что сейчас меня начнут учить медитации.

– Вон там, в сарае, ты найдешь лопату, – продолжил монах, и эта фраза опустила меня с небес на землю.

Лопата? Но зачем?

Ответ на этот вопрос я получил быстрее, чем хотелось бы.

Мы оставили храм за спиной и углубились в джунгли, но лишь для того, чтобы остановиться у дерева, что выглядело бы высохшим, если бы не небольшой пучок зеленых листьев на верхушке.

А так ничего особенного – серая морщинистая кора, ствол толщиной в руку, высотой метров в пять.

– Ты должен его выкорчевать, – сказал брат Пон.

– Зачем? – спросил я, ощущая разочарование и недовольство.

Ждал медитаций и великих истин, а вместо них подсунули скучную и тяжелую работу.

– Потом узнаешь. И надо справиться до заката, иначе толку не будет.

И он уселся чуть в сторонке, скрестил ноги и положил руки на колени.

Ну а я принялся за дело.

Земля оказалась мягкой, лопата, несмотря на помятый вид, острой, и я воспрянул духом. Прокопал вокруг дерева канаву и принялся ее углублять, насвистывая засевшую в голове мелодию к песне Земфиры.

Но вскоре стало ясно, что не все так просто.

Зловредное дерево обладало громадным количеством корней, узловатых и прочных, каких не разорвать руками, и даже лопатой разрубить получалось не с первого раза...

Солнце палило через кроны, и я быстро вспотел.

Лишенную волос голову жгло, непривычная одежда сковывала движения, мешала. Пыль и грязь оседали на лице, залезали в глаза, и те чесались все сильнее и сильнее. Хотелось пить, но воды мы с собой не захватили, и пересохшая гортань все более напоминала наждак.

- Чувствуешь ли ты жажду? - неожиданно спросил брат Пон.

- Да, - радостно отозвался я.

Да, вот сейчас он сотворит чудо и вытащит из-под одежды флягу...

- Это хорошо, - в голосе монаха было лишь удовлетворение и ни следа жалости. - Жажда - это то, что заставляет нас меняться, вынуждает нас двигаться, без нее мы были бы самодовольными ленивыми животными...

Я кивнул и еще более ожесточенно заработал лопатой.

Вскоре на ладонях у меня появились мозоли, а сандалии натерли ноги в нескольких местах. На запах моего пота из зарослей явились комары и с радостным зудением ринулись в атаку.

Яма под деревом достигла такого размера, что в ней поместилось бы трое пехотинцев, тайских, по крайней мере, но корни не заканчивались, а моя попытка выдрать мерзкое растение, дергая за ствол, ни к чему не привела. Я только сорвал одну из мозолей и вынужден был сунуть руку в рот, чтобы унять боль.

Кинул гневный взгляд на брата Пона... неужто он не видит, как мне фигово?

Но монах выглядел невозмутимым.

- Ты и это дерево очень похожи, - подал он голос, когда я снова взялся за лопату и едва не заехал острием себе по ноге: еще пара сантиметров, и я остался бы без большого пальца на левой.

- Чем же?

Но брат Пон промолчал.

В один момент я вынужден был встать на колени и рубить лопатой почти горизонтально, чтобы добраться до корней, уходивших прямо вниз. Затем удалось повалить дерево набок, и дело пошло веселее, да и солнце понемногу начало клониться к закату, и жара спала.

Когда последний корень лопнул с мерзким хрустом, у меня от усталости тряслись руки, голова кружилась от горького запаха древесины, и больше всего хотелось с проклятием отшвырнуть лопату прочь.

– Молодец, ты справился, – сказал брат Пон. – А теперь садись и слушай.

Я буквально рухнул наземь, мелькнула мысль, что, умирая от усталости, вряд ли сумею понять хоть что-то.

– Ты и это дерево – похожи, – повторил монах. – Обычный человек устроен так: ствол и сотни корней-привязанностей, толстых и тонких, хорошо заметных и едва различимых. Таких, которые он осознает как пороки, и других, которые считает безобидными привычками. Меж тем именно они мешают ему жить, не дают шанса сдвинуться с места. Чтобы изменить свою жизнь, необходимо перерубить их все.

– Но дерево без корней погибнет... – возразил я.

– Конечно, – брат Пон улыбался. – Но его существование не прекратится совсем. Сущность, известная нам как «дерево», станет чем-то иным... То же самое и с человеком... Не смерть ждет того, кто уничтожит свои привязанности, а лишь другой способ жизни, куда более вольной и легкой.

Идея выглядела заманчивой... обрубить «корни», полететь...

Но возможно ли такое? И сколько времени это займет?

Если их тысячи и нужно уничтожить каждую... десять, пятьдесят лет?

– Самый толстый корень-привязанность, из которого растут сотни других, – склонность лелеять свое невежество, отсутствие знания, – настойчиво продолжил брат Пон, не давая мне слишком углубиться в сомнения.

– Но знаний у меня более чем достаточно! – не выдержал я. – Высшее образование! Институт и...

– ...и помогло тебе образование, – перебил монах, – когда дошло до реальной жизни? Да, почти любой западный человек таскает с собой ворох сведений о всякой всячине, и что с них толку, если они не делают его свободнее, сильнее, счастливее? Или я неправ? Вспомни!

Ну да, профессора, которых уличный мошенник облапошит на раз-два, несмотря на все их научные степени. Гордящиеся умом и кругозором всезнайки, поступающие как идиоты, во вред себе, неспособные контролировать себя даже в мелочах, тратящие жизнь на мелочные доказательства мощи собственного интеллекта.

– Я не хочу сказать, что наука и образование – это плохо, – мягко сказал брат Пон. – Надо лишь понимать, что они не дают истинного знания, не помогают использовать эту жизнь правильным образом.

– И самое тяжкое невежество – вера в то, что твой ограниченный разум постиг все, – продолжил он. – Человек, живущий по такому принципу, добровольно заключает себя в клетку и выкидывает ключ. И в этой жизни с ним уже ничего нельзя поделать. Совсем.

Я встрепенулся:

– А жизнью у каждого много?

– О них мы поговорим в другой раз, – брат Пон поднялся одним движением. – Достаточно на сегодня.

– Но зачем было все это? – спросил я, указав на выкорчеванное дерево. – Нельзя... Нельзя было просто объяснить?

– А ты бы стал слушать? – улыбка на его физиономии сияла детская, проказливая. – Слова мало чего стоят, если не подкреплены делами и опытом, и я дал тебе такой опыт, который ты никогда не забудешь.

Тут он не ошибся...

Сорванные мозоли, натруженная спина, бедра и икры, болевшие так, что я с трудом смог встать. Обгоревшая, судя по саднящей коже, голова, зуд от комариных укусов и пересохшая от жажды глотка...

Такого опыта не получишь в офисе или даже когда работаешь на удаленке, прямиком с пляжа, посасывая через соломинку ледяной коктейль и лениво поглядывая на девчонок в бикини.

Да, если и все прочие «уроки» будут обставлены таким образом, то я просто не выдержу, дам дуба через пару недель или сбегу ночью потемнее, выкрав предварительно свои вещи...

– Собирайся, идем в деревню, – сказал брат Пон, заглянув под навес, где я медитировал над своими корнями-привязанностями.

Вчера вечером монах велел мне хорошенько подумать над ними, разобраться, на что я трачу свою жизнь, каким образом разбазариваю драгоценное время. Приказал составить перечень вещей, которым я предаюсь по своей воле, считая их источником удовольствия, нормой или социальным долгом.

По всему выходило, что я много лет не просто занимался ерундой, так еще и давал этой ерунде власть над собой.

Хотелось высечь себя хорошенько за то, на что я убил почти четыре десятилетия!

– Да, – отозвался я, поднимаясь.

– Не стоит отдаваться в руки печали, – брат Пон, как обычно, хорошо понимал, что творится у меня на душе. – Итогом размышлений должны быть не

сожаления, а радость и готовность действовать.

- Но как? Я же не знаю как!

- Оружие у нас одно - осознание. Привязанности сильны, пока ты их не видишь. Разглядывай их со вниманием, не осуждая себя за то, что они у тебя есть, и они начнут чахнуть. Вытащи корни на солнечный свет - и что с ними будет? Засохнут и погибнут, - он сделал паузу и добавил: - Чего ты ждешь? Обувайся, и пошли.

Ну да, большой плюс того, что у тебя нет вещей, - не тратишь время на сборы.

- Э, давно хотел спросить... - начал я, когда храм остался позади и мы зашагали по тропе на запад, вдоль берега Меконга. - Почему вас называют «неправильным монахом»? И что такое «талапоин»?

Брат Пон, шедший впереди, оглянулся.

- И чем это знание поможет тебе? - спросил он с преувеличенной суровостью. - Дисциплинируй свой ум, не позволяй ему бродить точно бешеной собаке, и лишь тогда он станет оружием, подобным алмазной ваджре, способным... - тут монах рассмеялся. - Почему называют? Неужели не ясно?

И он встряхнул головой, которую венчала копна черных косичек.

- Много лет я был смиренным служителем Будды, одним из многих тысяч, - сказал брат Пон тихо и серьезно. - Но теперь я оставил все позади: Будду, смирение, молитвы. Так, разговоры в сторону...

Впереди обнаружился овраг, не очень глубокий, но с крутыми стенками и зарослями кустарника на дне.

Перекинутое через него бревно изображало мостик.

– Идем по одному, поскольку оно не очень крепкое, – предупредил меня брат Пон и легко, с кошачьей грацией перебежал на другую сторону. – Твоя очередь. Давай-давай!

Я ступил на бревно с опаской – если потеряешь равновесие, то улетишь вниз, в сплетение усаженных шипами ветвей, где мало того, что обдерешься, можешь еще и сломать себе что-нибудь!

Еще эти сандалии – неудобные, со скользкими подошвами.

Деревяшка подо мной треснула с громким «кряк», я судорожно замахал руками. Попытался прыгнуть вперед, туда, где ждал брат Пон, но под ногами оказалась только пустота.

А в следующий момент я вошел в кустарник, точно прыгун с вышки – в воду.

Вот только вода не бывает такой колючей.

К счастью, я ничего не сломал и не вывихнул, только оцарапался, но, выбираясь из оврага, кипел от злости. Брат Пон наблюдал за мной с самым серьезным видом, но в черных глазах его нет-нет, да и посверкивали смешинки.

– Вот так лучше, – заявил он, помогая мне привести в порядок одеяние послушника. – Вот видишь, даже бревна под тобой ломаются, настолько ты тяжел...

– Да неправда это! – обидчиво заявил я: – Если и есть лишний вес, то немного, килограмм пять-шесть.

– Да ну? – монах посмотрел на меня с сияющей улыбкой, и я не выдержал, отвел взгляд. – Я оставил позади все, а ты по-прежнему тащишь с собой баулы со всякой всячиной: иллюзии, привычки, страх опозориться, желание выглядеть хорошо и достойно. Или ты думаешь, что все эти вещи не весят ничего? Тяжелее свинца!

– Мост придется восстановить тому, кто сломал, – продолжил он после небольшой паузы. – Сегодня. И учитывая, что ты вешишь как слон, используем не

одно дерево, а два.

Я вздохнул, думая, что к не успевшим зажить мозолям добавятся новые.

– А ты как думал? – брат Пон похлопал меня по плечу. – Ты не в отпуск приехал.

Вскоре тропинка вывела нас к дороге, и на обочинах начали попадаться пустые бутылки из-под молока, колы и пива, упаковки из разноцветного пластика – верный признак того, что неподалеку живут тайцы, для которых в обращении с мусором существует один принцип: кидай под ноги.

Сзади долетело бурчание мотора, и мимо пронесся юнец на мотобайке.

Резко затормозил и слез с седла, чтобы отвесить уважительный поклон брату Пону. На меня же он вытаращился с удивлением и тоже поклонился, но куда менее уверенно.

Затрещал стартер, и байк рванул прочь.

– Ну, может быть, мне не ходить... – начал я несмело. – Еще людей пугать...

В одеянии, которое я таскал второй день, чувствовал себя по-прежнему неуютно. Кроме того, рядом с ловким братом Поном я смотрелся неуклюжим громилой, свежесвыбритая макушка обгорела и наверняка выглядела потешно.

– Стесняешься? – спросил монах. – Боишься, что выглядишь как идиот?

Признаваться было стыдно, но мысль о том, чтобы соврать, показалась мне отвратительной. Так что после недолгой внутренней борьбы я кивнул и мрачно уставился куда-то на носки своих сандалий.

– Не стоит переживать, – сказал брат Пон тоном взрослого, утешающего ребенка. – Именно так ты и выглядишь!

Я вздрогнул.

– Но ты пойдешь со мной в деревню, и я сделаю так, чтобы тебя увидели и запомнили. Пойми, тот образ себя, который ты считаешь красивым и правильным, всего лишь создание твоего ума, и не более того. На самом деле ты можешь от него отказаться в любой момент или сменить на другой, только ты этого не хочешь.

– Почему?

– Этот образ служит для твоего «я» доказательством того, что оно существует. Ликвидируй твое представление о себе – и что останется?

Услышав такое, я испытал прилив немотивированной паники, возникла мысль, что стоящий рядом со мной человек хочет меня убить, что он наверняка прячет оружие – нож или что похуже.

– Это лишь порождение твоего ума, – настойчиво повторил брат Пон. – Оставь его. Скинь, как ты скинул ту одежду, в которой приехал сюда... На самом деле нет разницы... То и другое лишь форма, видимость, за которой нет ничего...

Я моргнул, и паника отступила, рассеялась, душу окутала звенящая, мягкая тишина. Мне стало все равно, как я выгляжу, что подумают тайцы, увидев фаранга в подобном одеянии посреди селения, куда вряд ли ездят туристы.

– Да, я понял, – сказал я, и мы двинулись дальше.

На окраине деревни, состоявшей из единственной улицы, нас встретили собаки.

Подобная свора обитает во всяком переулке-сои каждого из тайских городов, кормится при любом рынке, магазине или ресторане. Разве что здешние псы выглядели еще более дикими, чем их паттайские или бангкокские сородичи, и необычайно активными, особенно для середины дня.

Вожак, черный и мохнатый, как медведь, ткнулся носом в ладонь брата Пона, а меня обнюхал с недоверием. Один из барбосов поменьше гавкнул пару раз, но без враждебности, и псы потрусили прочь, в тени.

Я собак не люблю и даже побаиваюсь, но к этим отнесся равнодушно.

Мы зашагали дальше, по обочине, мимо выстроившихся в ряд хижин, что выглядели немногим основательнее моего жилища. Под навесом у ближайшей обнаружился дряхлый старик в кресле – на столике рядом с ним стояла открытая бутылка рома, а у ног ползали двое голых малышей.

– Вот она, человеческая жизнь от старта до финиша, – проговорил брат Пон. – Начиная с тех, кто еще не может ходить, и заканчивая тем, кто уже не в состоянии ходить. Только если под себя.

Над стариком кружились мухи, и он выглядел бы мертвым, если бы не шевелился время от времени.

От дома на другой стороне улицы к нам бросилась дородная женщина средних лет. Упала на колени перед братом Поном, сделала ваи – тайское приветствие со сложенными перед лбом руками – и залопотала что-то.

Монах склонил голову набок прислушиваясь, я замер столбом рядом с ним.

Женщина перестала тараторить и застыла, часто-часто моргая, уставившись на моего спутника с робкой надеждой. Он что-то ответил, положив руку ей на голову, и улыбнулся так, что обитательница селения затрепетала.

Вскочив на ноги, она заторопилась обратно к дому.

– Ее муж болен, – сказал брат Пон, глядя женщине вслед. – Врачи помочь не могут.

– А вы? – спросил я.

– Я мог бы, но делать ничего не стану. Такое вмешательство не улучшит ее кармы. Его, кстати, тоже.

- Но разве помогать другим - не благородное дело? - я нахмурился.

- Чтобы помогать другим, ты должен видеть, в чем именно заключается помощь, и быть в состоянии ее оказать. Разве способен на такое обычный человек, ослепленный невежеством, чья жизнь - хаос, беспросветный плен у собственных желаний, страхов и иллюзий?

- Многие способны! - возразил я. - Подают милостыню, работают волонтерами! Неужели это все зря?

- Активные «творцы добра» иногда приносят больше вреда, чем пользы, и себе, и другим. Укрепляют свое эго представлением о том, что совершают нечто нужное и важное. Благотворительность, милостыня - все это нужно обычным людям, живущим простой жизнью, чтобы они не превратились в зверей, но тот, кто хочет идти дальше, должен отбросить мысли о таких вещах.

- Но почему? Я не понимаю! - я просто кипел от возмущения.

Понятно теперь, почему его именуют «неправильным монахом», ведь он говорит вещи, идущие вразрез с учением Будды! Тот призывал к милосердию, к состраданию, брат же Пон утверждает, что и в том и в другом нет смысла!

- Вот простой пример, - сказал он. - Зашел к тебе сосед, попросил денег в займы. Немного, сущий пустяк... Как ты поступишь в данной ситуации? Как оценишь поступок?

- Естественно, я дам, - отозвался я. - И тем самым помогу человеку, сделаю добро.

- Отлично, запомним это, - брат Пон улыбнулся, как дорвавшийся до сметаны котяра. - Сосед взял твои деньги, пошел в магазин, купил виски, выпил и пьяным попал под машину. Насмерть. И теперь что ты можешь сказать насчет совершенного тобой добра? Может быть, это было зло?

- Но я же не мог знать...

- Вот именно! Не мог! - воскликнул монах. - И когда слепой лезет «помогать», что будет? Как ты смеешь вмешиваться в жизнь других людей, будучи не в состоянии видеть последствия своих поступков? Не наведя порядка у себя в доме, суешься в жильё соседа?

- Но многие же это делают.

- Да, и знаешь почему? А потому, что решать проблемы другого проще, чем свои.

На это я не нашелся, что ответить.

- Пойдем, - сказал брат Пон. - Нечего стоять на солнцепеке, особенно тебе.

Только в этот момент я сообразил, что солнце жарит, по лицу моему течет пот, а макушка просто горит. Так глубоко ушел в разговор, увлекся, что забыл о том, где нахожусь и что творится вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/gor_oleg/prosvetlennye-ne-hodyat-na-rabotu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)